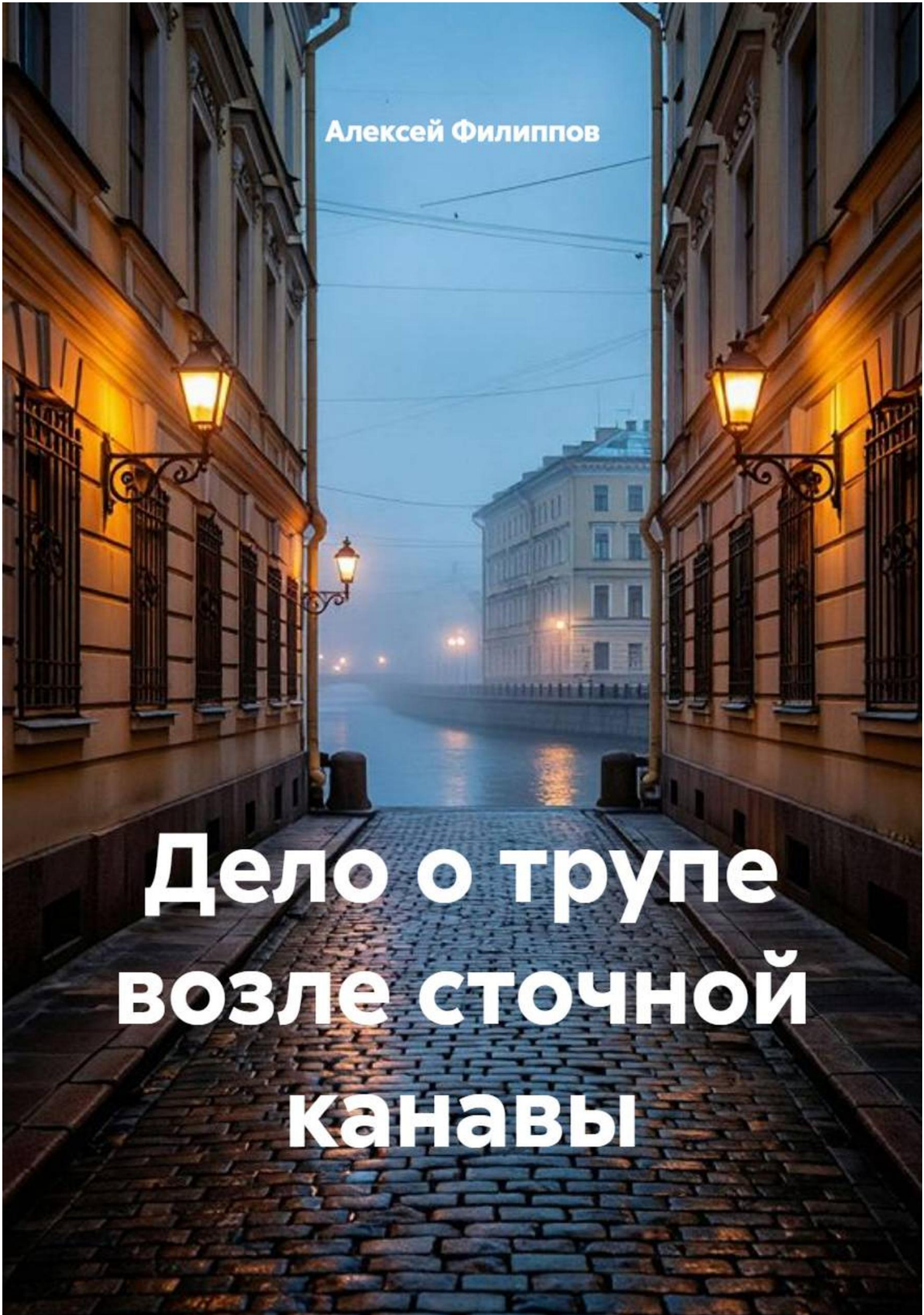

Алексей Филиппов
Дело о трупе возле сточной канавы

Алексей Филиппов

Дело о трупе возле сточной канавы

«Автор»
2026

Филиппов А.

Дело о трупе возле сточной канавы / А. Филиппов — «Автор», 2026

Петербург. Середина девятнадцатого века. Около высокого дома на берегу канала в высоком бурьяне нашли труп молодого человека. Пристав следственных дел Пётр Порфирьевич начинает дознание. И много странного в этом деле, но сыщик не сдаётся при неудачах и упорно ведёт свою линию...

© Филиппов А., 2026
© Автор, 2026

Алексей Филиппов
Дело о трупе возле сточной канавы

Жарко... Душно... Солнце, даже свалившись в сторону заката, палило в высокое окно так, словно вознамерилось расплавить и обратить в вязкие блестящие капли серое от пыли стекло. Сердце молодого человека билось, будто упавший в предсмертных судорогах переневолившийся на скачке немолодой уже конь. Так, так-так, так, та, так, та, так-так... Руки дрожали...

Старуха и сегодня была простоволоса. Светлые с проседью жиденькие волосы её, жирно смазанные маслом, по обыкновению были заплетены в крысиную косичку и подобраны под осколок роговой гребёнки, торчавшей на её затылке. Гребёнка потёртая, корявая, будто кора давно упавшего наземь гнилого дерева. Именно по этой гребёнке он и решил ударить.

- «Не тварь божью бить буду, - подумал он, - гребёнку... Не подлец же я, чтоб вот так живого… Хоть и право имею... Живого нельзя... В гребёнку... Не тварь я бездушная, всё же, а человек...».

Он выхватил из-под пальто топор, замахнулся и…

****

- Возле канавы сточной его давеча дворник нашёл, - докладывал городовой приставу следственных дел окружного суда Петру Порфирьевичу. – В бурьяне валялся... Давно уж... Остыл... Видно, выпивши был, споткнулся да головой о камень…

- О какой камень? – поинтересовался Петр Порфирьевич, разглядывая труп молодого человека и прикладывая ладонь к носу. Ладонь пахла одеколоном Ралле, а из канавы несло прокисшими помоями, навозом и какой-то тухлятиной.

- Да, кто ж его знает, ваше высокоблагородие? – пожал плечами городовой. – Вон их тут сколько… Свинья грязи найдёт…

Молодой человек лежал лицом вверх, совсем рядом с мутной зеленоватой водой канавы. Был он худ, бледен до серости, лицо в ссадинах, особо большая грязно-кровавая ссадина на лбу. Одет худо: изрядно поношенное летнее пальто, серые штаны с какими-то замысловатыми пятнами и рваные сапоги, из тех, про какие в народе говорят – давно каши просят. Шапки рядом с трупом не было.

- А где его шапка? – пристав следственных дел опять посмотрел на городового.

- Шапка? – городовой почесал затылок и встрепенулся. – Да, кто ж его знает, ваше высокоблагородие… Эй, дворника Хапова сюда! Быстро!

- Слушаю-с, - прибежал запыхавшийся дворник.

- Ты его нашёл? – городовой вовсю старался придать голосу неимоверную строгость, под стать сей трагической ситуации. – Отвечай!

- А кто ж ещё-то? – Хапов утёр рукавом внезапно вспотевшее лицо. – Пошёл я, стало быть, утром дом обходить, вчера-то не пришлось... А он тут и лежит лицом вниз... Я поначалу подумал, мол, пьяный уснул. Человек тоже, стало быть. Всяко бывает... Прости его, Господи... Дело житейское... Повернул его лицом к себе, стало быть, ну, чтоб, разбудить а он уж того… Не разбудишь... Царство ему небесное…

- Он не так лежал? – пристав перевёл взгляд с трупа на дворника.

- Никак нет, по-другому, ваше высокоблагородие, - Хапов проворно смахнул с кончика носа каплю пота. - Вертел я его, стало быть...

- Ну-ка, теперь поверни его, как было.

Дворник перекрестился, вздохнул тяжко и, что-то приговаривая шепотом себе под нос, стал вертеть мёртвое тело. Он перевернул покойника лицом вниз, под лоб положил серый камень, выпрямился, замер на мгновение, опять наклонился, подвинул труп чуть в сторону и перекрестился.

- Вот так он лежал…

- А шапка его где? – спросил городовой и посмотрел на Петра Порфирьевича слегка затуманенными преданностью глазами. Уж очень хотелось ему показать служебное рвение, заслужив тем самым славу добрую у нужного человека.

- Не было шапки, - мотнул головой дворник. – Неужто бы я шапки не заметил? Что ж я совсем без глаз, что ли? Скажут тоже…

- Иди вон туда,- махнул ладошкой пристав следственных дел. – Постой пока в сторонке…

Прогнав от себя дворника, Петр Порфирьевич стал ходить туда-сюда возле трупа, внимательно разглядывая камни. Камни грязные, мышиного цвета с бледными пятнами высохшей грязи. Бурьян почти чёрный - ещё прошлогодний. Походив малость, пристав следственных дел присел на корточки перед мертвецом, вглядываясь на прядь слипшихся волос на затылке. Убедившись, что волосы слиплись от крови, Петр Порфирьевич, посмотрел на окна стоявшего напротив канавы дома, поднялся на берег канавы к самой стене дома, постоял там, вглядываясь себе под ноги, потом что-то подобрал с земли. И всё это он делал молча и как-то особенно таинственно.

- Чего там? – подошёл к сыщику городовой.

- Старая замазка оконная, - ответил Петр Порфирьевич, вглядываясь в окна верхних этажей нависшего над канавой дома. – Замазка и мухи дохлые…

- Мухи?

Городовой тоже поднял голову, но насмотреться вдоволь на потемневшую от времени кирпичную стену с окнами не пришлось. Пристав следственных дел велел идти осматривать квартиры, окна которых выходили на канаву.

Начали со второго этажа. Два стражника полицейских трезвонили в жестяные колокольцы, а когда встревоженные жильцы второго этажа открывали дверь, Петр Порфирьевич ворвался в жилые комнаты и стал осматривать окна. На втором этаже ничего подозрительного найдено не было. На третьем этаже - окна двух квартир чуть стороне от канавы, в одной квартире никто не открыл.

- Народу мало тут, - сказал городовой, утомившись бить кулаком дверь. - Здесь ремонт затеяли... Многие за город уехали... Жара-то какая...

На четвёртом этаже перед запертой дверью волновались два молодых человека.

- Открой, старая перечница! – кричали они наперебой хмельными голосами и барабанили кулаками по тёмным дверным доскам. – Открой, а то хуже будет!

- Что за шум?! – рявкнул на буянов городовой. – Почему безобразничаем?!

- Да, вот, - чуть поперхнувшись, принялся жаловаться молодой человек в студенческой тужурке, - обещала заплатить нам по «синенькой», а всего-то и дала по полтине на нос авансом, и теперь не открывает.

От молодого человека здорово несло какой-то сивухой и квашенной капустой, похоже, что из прошлогодней бочки. Глаза у него подёрнуты красновато-жёлтой мутью, под левым глазом лиловый синяк довольно-таки приличных размеров.

- За что это «синенькую» вам? – стал допытываться городовой, с превеликим подозрением поглядывая на хмельных бузотёров.

- За пьеску, - обернулся к полицейскому молодой человек в солдатских штанах и легком летнем пальто и без синяков, но с заживающей ссадиной на бледно-серой щеке.

- Что за пьеска? – отодвинул городового в сторону Пётр Порфирьевич.

- Велела нам перед одним блаженным комедь ломать да рассказать полным голосом, будто богата она очень, и что прибить её до смерти - нет никакого греха особенного…

- Чего? – переспросил пристав, с превеликим подозрением глянув на крикунов.

- Так и распорядилась кричать перед блаженным, - подхватил слова товарища другой молодой молодец, тот, который с синяком, - что зажилась, мол, Ольга Дмитриевна. Представ-

ляете? И что богата, и что нечего ей больше делать на свете белом. Кричите, велела: стерва, мол, распоследняя... И что за одну её подлую жизнь, можно сотню достойных жизней от гниения да разложения спасти. И что жизнь её, мол, не более жизни вши. Представляете?! Ха-ха-а! Вот!

- А зачем ей это? – Петр Порфирьевич теперь уже удивлённо глянул на сперва на городового, потом на молодых людей.

- А мы почём знаем, - пожали те плечами. – Баба от неё приходила, показала она нам чудака в дырявых сапогах да в бурлацкой шапке “шпилёк”, выдала авансом по полтиннику и бумажку, в какой написано чего кричать надо, а мы и рады стараться. Вот. Что же за деньги-то не покричать? Язык он, чай, без костей. И сказала баба, чтоб за окончательным расчётом пришли через три дня к самой хозяйке. Мы пришли, а она не открывает. Спряталась, потому как до денег ужас какая жадная. Стерва! Видно, правду сущую мы про неё кричали...

Пристав велел городовому свести молодых людей вниз, посмотреть на покойника, а сам стал стучать в дверь. Дверь хозяйка так и не открыла, а пьяненькие молодцы опознали в покойнике того самого чудака, против какого они крики затеяли. После этакого открытия решили ломать дверь. В квартире нашли покойницу - коллежскую секретаршу Ольгу Дмитриевну Зефирову. Любопытные соседи со второго этажа её сразу же опознали, а городовой потёр ладонью лоб и поведал, что брала Ольга Дмитриевна разные вещи под залог с процентом, и жадна она до полной невероятности. Лежали несчастная женщина бездыханной на кровати своей, будто так и надо. Возле кровати валялся пустой стакан. А на кухонном столе стояла сильно початая бутылка красного вина Ай-Даниль. Этикетка на бутылке была сорвана, но торопливо и не до конца. На обрывке этикетки печать лавки - и Порфирий Иванович смог разобрать остаток одно слова - «…урова». Выписано было то слово с замысловатыми вензелями да завитушками. Бутылку было решено отнести в участок. Помощник пристава Зайцев посмотрел под столом и нашёл там окурок - почти свежий, пахнувший ещё табаком.

- Похоже, папироса “Осман”, - старательно обнюхав окурок, сообщил своё предположение Зайцев. Он же, раскусив конфету со стола и определил, что сладость зовётся - “Фигаро”.

- Одна жила? - поинтересовался пристав, отойдя от стола к кровати покойной.

- Последнее время, так одна, - городовой встал рядом.

- А не в последнее?

- С племянницей, вроде как... С Дунькой... Ой, распутная девка, доложу я вам... Сущая нигилистка... Не приведи Господи... Молодёжь вокруг неё крутилась,как мухи возле банки с вареньем... А она ими вертела, как хотела... Одно слово - нигилистка. Только пропала она куда-то... Уж, с год как... Покойница-то, - городовой кивнул в сторону кровати и перекрестился, - приходила, чтоб поискал, мол, родная кровь... Брата, мол, дочь... Я поспрашивал народ, да никто ничего мне не сказал... Я и рад тому... Перекрестился даже, когда не нашли следа её... Воду мутить не будет... И без неё забот полон рот...

- А другие родственники?

- Не могу знать, ваше высокоблагородие, - пожал плечами городовой. - Ежели есть кто, то отыщется... Чай, не нищенка померла... Есть чем родне поживиться...

Соседи со второго этажа тоже насчёт родственников умершей ничего дельного не сообщили.

- Одиноко жила, - вздыхали они. - Не принимала никого и сама никуда не ходила. Только и знаем, что вещи под заклад брала...

От покойницы подошли к окну. Городовой стал рассматривать подоконник и через минуту радостно доложил Петру Порфирьевичу:

- Открывали недавно окно-то! Вон сколько старой замазки вывалилось. Неужто он отсюда и прыгнул? Вот, дурья башка. И чего людям не живётся спокойно...

Пристав следственных дел подошёл к окну. Осмотрел малость перекошенную раму. Попробовал открыть. С первого раза не получилось, но потом, от ещё большего усилия, окно жалобно заскрипело и распахнулось во всю ширь. Оказалось, что затвор окна вырван, как говорится, с корнем.

- Торопились, когда открывали, - высказал очередное своё предположение, подошедший к окну помощник пристава. - А запорчик на окне так себе...

Покойник лежал как раз под окном. Рядом стояли три дворника в грязных фартуках, ожидая телегу, чтоб несчастного в мертвецкую отправить. Один из дворников жевал огурец, товарищи его, по всей видимости, завидовали и часто плевались.

Насмотревшись в окно, Пётр Порфирьевич принялся дотошно осматривать комнату. И не без успеха. Сперва нашёл он топор возле печки. Вроде и на виду лежал, а как-то сразу его не приметили. На столе искали, под столом, под кроватью, а возле печки как-то просмотрели...

- Похоже, что этот, который под окном валяется топор принёс, - сказал помощник Зайцев, принимая от начальника плотницкий инструмент.

- С чего ты взял?

- У него к подкладке пальто петля особая пришита, какую пришивают, чтобы топор спрятать. Я видел такие...

Пристав, отдал топор помощнику, и стал искать дальше. В прихожей Пётр Порфирьевич нашёл шапку “шпилёк”, грязно-серую и всю в дырах. Была на шапке и кровь...

- Так я ведь узнал его! – вскрикнул городовой, заметив в руках пристава шляпу.

- Кого узнал? – переспросил Петр Порфирьевич.

- Этого! Что мёртвый в канаве лежит! Я гляжу, вроде, знакомый на лицо, но никак не вспомню… А сейчас шапку эту увидел, так сразу смекнул – он! Бурлачком его местные разгильдяи прозвали... Дурачок, одним словом...

- Кто таков?

- Дык, раньше-то я него и внимания не обращал . А тут как-то днями барин один к девчонке приставал, а этот бурлачок вступился. Рукоприкладство намечалось, но я вовремя подоспел… Навёл порядок... Расспросил... Студент он университетский… Сейчас многие студенты, извиняюсь, в народ ударились... Дурьи головы, одним словом... И чего им спокойно не живётся? Вот и этот, видно, из таких... Я даже фамилию его спросил. Как же? У-у-у… Запамятовал малость, сейчас вспомню… Соколов, вроде… Или нет… Нет, не Соколов, а Осколков. Точно – Осколков!

Тотчас же помощник пристава поехал к университету, а сам пристав велел открыть комод и стал, брезгливо морщась, перебирать там разные вещицы. Все вещицы завёрнуты в мятую жёлтую бумага. И на каждой бумаге имелась надпись. Ольга Дмитриевна, по всей видимости, писать не особо большая охотница была, а потому и выводила корявыми буквами только части фамилии закладчика. Много разных надписей разобрал пристав. Тут были: и «федо», и «ре», и «красн», и «лужи», и «бел», и «гряз» и ещё много чего. Нашёл Пётр Порфирьевич и свёрточек со словечком – «оск».

- Это видно и есть заклад того самого Осколкова, - тихо сказал пристав, разглядывая старые серебряные часы и медальончик. – Уж не расплатиться ли он приходил… А кто-то другой на деньги его польстился и…

- Я чего же этот другой из закладных вещей ничего не взял? – тут же откликнулся на слова Петра Порфирьевича городовой. – Коли была б корысть, всё бы здесь выгреб... И вино вон… И конфеты...

- А может он пил с хозяйкой вино, когда Осколков пришёл, - задумчиво молвил пристав, рассматривая теперь бутылку. – Потом слово за слово... Повздорили… Он его и в окно...

- Это кто? - городовой вскинул глаза на пристава.

- Убийца, - тихо, о чём-то размышляя, ответил тот. - Двух человек убийца... Она, Ольга Дмитриевна, тоже, поди, не сама...

Потом Петр Порфирьевич шагнул к порогу комнаты, где на полу валялась увесистая кочерга, поднял эту кочергу, осмотрел внимательно и продолжил.

- Он его этой кочергой по затылку, и, чтоб душегубство скрыть, вместе с хозяйкой вытолкали его ещё живого в окно… Вон и след кровавый на кочерге... А хотя не вместе, похоже, не вместе... В окно его выбросил человек силы чрезвычайной...

- Кто? - как-то несмело переспросил городовой.

- Какой-то местный Геркулес, - Пётр Порфирьевич посмотрел из открытого окна вниз. - Просто вышвырнул его из окна с такой силой, что тот в воздухе и перевернуться не успел... Так лицом вниз и упал... Угу...

- А чего сама хозяйка теперь мёртвая? - нахмурился городовой. - Сердце что ли от страха разорвалось?

- Это тоже для меня пока загадка, - сказал Петр Порфирьевич, потом велел дворнику, который всё ещё топтался в передней, намочить вином из бутылки кусок ситного хлеба и скормить какой-нибудь собаке. Собака, какую заманили со двора, откушала винца с хлебцем с превеликим удовольствием и долго виляла хвостом, вымаливая печальным взглядом добавки. Пристав велел добавки дать, а потом запереть пса в кладовке, чтоб не сбежал далеко.

Разобравшись с собакой, допросили двух штукатуров, которые уж с неделю ремонтировали квартиру на нижнем этаже. Правда, толку с того допроса, что с козла молока. Ничего дельного штукатуры не сказали, только упомянули, мол видели - как поднимался то ли вчера, то ли третьего дня на верхний этаж нищий безобразный старик с противной бородавкой на губе. По бородавке они его и запомнили. Других посетителей дома они не помнили совсем, только одно и то же твердили.

- Все они на одно лицо... Ходят, ходят... Туда-сюда, туда-сюда...

Скоро вернулся помощник Петра Порфирьевича Зайцев и привёз адрес, по которому проживал Роман Осколков. Правда, студент он уже бывший... Исключили его недавно... Петр Порфирьевич поехал по адресу, напоследок наказав городовому, если случится с накормленной хлебом и вином собакой что-то нехорошее, обязательно сообщить.

***

По адресу встретила пристава следственных дел квартирная хозяйка Осколкова – полная дама лет сорока уже без особых намёков на красоту, хотя и малость смазливая, но это на любителя. О своём квартиранте отзывалась она не совсем хорошо, но особо и не бранила. Считала, что главный грех квартиранта – глупость, и в следствие того, постоянное отсутствие денег.

- Так-то бы всё ничего, - вздыхала она, - тихий, компаний буйных не водил, девиц тоже, вежливый, только денег никогда не платил вовремя. Особенно в последнее время... Всё уговаривать приходилось, требовать да ругаться, а он только обещать был горазд, отдаст грош какой-нибудь и опять за своё, мол, скоро у меня будет денег столько, что за два года вперёд расплачусь. Какой-то человек, дескать, подсказал ему путь правильный... Врал, поди… Квёлый он уж больно, чтоб разбогатеть... Тюфяк, одним словом...

Петр Порфирьевич поднялся по лестнице на этаж выше и прошёл в жилище Осколкова. Осмотрев тесную конурку, пристав присел к столу. На столе лежали несколько книг. Пристав взял первую и прочёл название - «Дух Наполеона Бонопарте или Жизнь и ужасныя деяния его, начиная со дня рождения до 1814 года». Между страницами нашёл Пётр Порфирьевич листок, с надписью “люди - грязь, возвысь честь свою, не будь грязью под ногами грязи”. Пристав прочитал записку два раза, пожал плечами и положил её обратно в книгу. Брезгливо отодвинув в сторону переводные книги Оуэна и Кампанеллы, сыщик стал перебирать газеты. Попалась на глаза газетка «Правдивая речь» с статейкой о правах человека, автор подписал её одной буквой «О». Петр Порфирьевич стал читать и быстро заинтересовался.

“А неплохо написано, - подумал пристав, - со знанием дела и слог забавный”.

Тут взгляд пристава следственных дел выхватил абзац, где указывалось, будто все люди делятся на обыкновенных и необыкновенных. Обыкновенные должны чтить закон, а необыкновенные имеют право на всяческие бесчинства. Закон у этих необыкновенных - свой особый, по которому много чего можно такого, чего другому никак нельзя. И всё такое в этом роде. А ещё на полях газеты надпись свинцовым карандашом: «кто я, тварь дрожащая или право по особому закону имею???».

“А этот студентик не так уж и прост, - подумал Петр Порфирьевич, ещё раз пробегая глазами статью. – Уж, не вообразил ли он себя наполеоном, как миллионы тварей двуногих? Так, кажется, поэт высказался... Во, значит, как… Денег нет, а тут ещё необыкновенным себя вообразил, и комедию перед ним два лоботряса устроили, дескать, на что твари подлой небо коптить, а тебе в нищете страдать... Она место пустое, а ему деньги нужны для дел великих... Это, словно семя на унавоженное поле... Мир завоевать без начально капитала вряд ли получится... А мир завоевать, это вам не мутовку лизать... Тут без грязи никак... Вполне мог студент решиться убить старуху… Ишь, наполеон выискался... Вполне вариант, вполне... Захотел из грязи в князи... Петлю к пальто пришил, вложил туда топор и пошёл... Где-то подобное было... Постой, постой... Нет, что-то тут не так... Похоже, не сам он захотел, а кто-то помог захотеть... Подумал за него и решил на путь неправедный подтолкнуть... Решил этот кто-то студента сгубить и стал людей, будто марионеток за нитки дёргать. Самого студента, старуху, лоботрясов хмельных… Сущая психология получилась… Старуху, поди, деньгами прельстил. Жадна она неимоверно. Все говорят... А, хотя... Может и не причём здесь старуха... Вернее всего, что не при чём... Кто-то от её имени записку этим пьяницам передал, а она об этом студенте, кроме как заклад с него получить, ни сном, ни духом... А вот кукловод его заманить сюда что-то очень хотел... Но тут другой интересный моментик имеется... Бутылка вина с конфетами... Не стала бы старуха с первым встречным вино пить... Знакомый её этот кукловод... И хороший знакомый... С кем попало не стала бы она пьянствовать... И главная загадка: для чего этому супостату понадобилось студента на старуху натравить и убить его именно в её комнате... Пришёл с вином и стал ждать студента... Или это студент принёс? Нет... Кукловод постарался. С хозяйкой он выпивает, а студента ждёт... Потом бьёт его кочергой по голове... И в окно... Не побоялся, что кто-нибудь заметит... Зачем именно так? Или что-то у него пошло не по плану? Надо в первую голову разгадать, как могли соприкасаться жизненные пути студента Романа Осколкова и коллежской секретарши Ольги Дмитриевны Зефировой... Найду, как их судьба связала, тогда до кукловода дотянуться можно будет. А не найду, так и посложнее заботы будут, уж очень дело тёмное...

Всю дорогу до самого дома размышлял Петр Порфирьевич о том таинственном кукловоде, о том, как пути жизненные студента и старухи ранее пересеклись, но ничего путного в голову не лезло. Возле дома ждал пристава городовой с известием, что собака, какую его высокоблагородие винцом угостили, подохла.

- Съела хлебушек-с, - озираясь по сторонам, торопливо докладывал полицейский, - сначала радовалась, хвостом виляла, потом поскучнела, поскулила малость, прилегла и всё-с… Околела-с… Ваше высокоблагородие...

Услышав печальное известие о судьбе подопытной собаки, Петр Порфирьевич, вздохнул о смерти пса безвинного, потом мысленно похвалил себя за проницательность и, предавшись дальнейшим логическим размышлениям, понял - кукловод этот не лыком шит. И опять те же мысли завели свой нудный хоровод.

“Через какую-то бабу нанял хмельных балбесов, чтоб ум студента взбудоражить. Взбудоражил блаженного до последней крайности да и убил. За что? И старуху на тот свет спровадил, чтоб ни следочка не осталось. А старуха та хорошо его, кукловода этого знала... Искать бабу, какая передала записку - дело пустое... И найти не найдёшь, и знать она ничего, поди, не знает...

А кто знает? Пока нет таких... Если только…, - пристав потёр ладонью грудь, почувствовав, что часто забилось сердце. – Если только статья в газетке не его ли, не кукловода рук дело. Вот это, пожалуй, самое то... Может быть, это было именно первое звено хитроумного плана. Сочинить хитрую статейку, подбросить её студенту и ждать ситуации для следующего хода. А ну как через сочинение это, я этого налима скользкого и прихвачу за жабры... Вот он след!”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.